

Виталий
Тарашенко:

«Раскрутить»

можно и посредственность

«Как красное солнышко появляешься в театре!», — приветствуют коллеги Виталия Тарашенко. Послушать его Германа в «Пиковой даме», Радамеса в «Аиде» — счастье. Но только как, когда! Звезды Большого все чаще сияют на других сценах мира. Да и попасть в Большой по-прежнему задача не из легких. К тому же не по времени, заметить, певец наш слишком скромный человек. Не любит даже, чтоб о нем писали.

— Виталий Васильевич, с тем, что настоящий талант не нуждается в рекламе, сейчас трудно согласиться. Как добился стремительной популярности тот же Хворостовский?

— Знаете, на Западе есть малоизвестные певцы, не уступающие по вокальным данным столпам оперного искусства. Но они не обладают таким огромным количеством записей, как те же Паваротти или Доминго. Понятно, что любой импресарио заинтересован владеть певцами-звездами. Ведь это привлечение на спектакли публики.

У нас достаточно два-три раза показать по телевидению — и ты известен. Но сейчас кругом одна коммерция. За все нужно платить огромные деньги. Хворостовский изначально пустил на рекламу все, чтобы «раскрутить» себя.

— Но так «раскрутить» можно и посредственность. Отсюда столько мнимых звезд. У нас же были всенародные любимцы. И в том числе в опере. Лемешев, Козловский, Отс...

— Такие рождаются очень редко. Это все равно что найти драгоценный алмаз. Раньше было и иное отношение к певцам, внимание к ним. Наши «старички» всего добивались своим талантом и трудом. Их поддерживало и государство. А радиозапись! В любой точке страны можно было слушать спектакли Большого театра. Люди знали певцов, любили оперную музыку.

Теперь само направление музыкальной культуры дало крен в другую сторону. Большая часть людей переключена на эстраду, причем не лучшего качества. Шутка ли: столько звуко- и видеозаписей, радио- и телепередач. Вот и истинных любителей оперы, живых голосов поубавилось.

Но сколько езжу, пою за рубежом, зал везде полный. Правда, это центры культуры. Вижу большой интерес к оперной музыке, и в том числе к русской.

Дарованию Виталия Тарашенко открывались все двери. После окончания с отличием Львовского музыкального училища его ждали Киев и Одесса — лучшие педагоги украинских консерваторий желали заниматься с ним. Оставалась еще одна крепость — Москва. И она была взята без промедлений. Единственного мужчину отобрала его в свой класс знаменитая одесская Татьяна Большого театра Елена Дмитриевна Кругликова. В Москве певец учился у Владимира Атлантова, Гуго Тица. В дипломном спектакле на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Тарашенко пел Ленского. Тогда оперную труппу возглавлял известный певец Евгений Кибкало: он-то и пригласил в театр талантливое вокальное, который вскоре стал ведущим солистом.

— Виталий Васильевич, помню, лет семь назад в Большом зале Московской консерватории после концертного исполнения оперы «Пиковая дама» (дирижировал Владимир Федосеев, а Елецкого пел, кстати, Дмитрий Хворостовский) вам кричали не только «браво!» но и «давно пора в Большой!». И вот пятый год вы на нашей главной оперной сцене. Что это — пик судьбы!

— В каждом театре есть свои подводные камни.

Я не испытал большой радости, когда пришел сюда...

Много лет мне снится один и тот же сон: меня вытаскивают на сцену, говорят: «Сейчас заиграет музыка, пой!» — «Что петь?» — «Ты профессионал, знаешь...» Подобное произошло со мной наяву в Бетховенском зале, когда я впервые пробовался в Большом театре. Вместо арии Водемона из «Иоланты» и Калафа из «Турандот» мне вдруг заиграли вступление к арии Хозе, которую я пел неизвестно когда. Сначала растерялся на каком языке петь — русским или французским. Спел, конечно... Это было уже давно. В театр тогда меня не приняли. А сон с тех пор больше не снится.

Когда я занимался в консерватории у Владимира Атлантова, он говорил: «Закончишь — приходи, звони!». Но я не хотел никого просить, от кого-то зависеть, таким вот методом попадать в театр. Стремился достичь мастерства. Многие рвутся в Большой, не успев вырасти в личность. А в этом храме искусства должны петь лучшие.

— Тенора всегда более, чем кто-либо, окружены поклонницами. Вы тоже!

— Есть старушки, очень преданные — представьте, еще почитательницы Налеппа и Лемешева. Они постоянно звонят, следят за спектаклями с моим участием.

Пел в Мюнхене Калафа в «Турандот», выхожу после спектакля — множество протянутых конвертов: вложить фото с автографом. Чаще всего в таких случаях сбегаю. Это нетрудно. На сцене — волосы черные, парик. А тут — светловолосый, с поднятым воротником. Мелькну в толпе. Пока кто догадается и крикнет вслед...

— «Что наша жизнь! Игра». Согласны ли вы в этом со своим героем из «Пиковой дамы»!

— Последнее ариозо Германа имеет самое прямое отношение к нашей действительности. «Так бросьте же борьбу, ловите миг удачи! Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!» Разве не о сегодняшней жизни сказано!

Раньше было: едешь за рубеж — везешь с собой чемодан консервов, а оттуда одежду и обувь детям. А потом все, что заработал, сдаешь Госконцерту. Сегодня, если есть деньги, просто открыто грабят. У меня в семье была такая ситуация. Вернулся из зарубежной поездки с театром — старшему сыну пригрозили. Пришлось вынести все заработанное...

— Как относятся к вам домашние! В день спектакля ходят по струнке!

— Да что вы, это невозможно. Я многодетный

отец. У меня трое сыновей. А живем мы в маленькой двухкомнатной квартире — 29 квадратных метров. Бывает, нужно уединиться, особенно когда спектакль тяжелый, побыть одному, вообще отстрелиться от всех семейных проблем. А это почти не получается. Накопить на квартиру денег все никак не могу: цены растут и растут.

— Когда же вы занимаетесь дома, готовите к спектаклю!

— «Уж полночь близится» — и я иду на кухню. Беру пианоло, которую когда-то купил себе в Австрии, надеваю наушники — и пою совсем тихо, «про себя», чтобы не разбудить свое спящее царство. А что делать?..

— Выходит, по-настоящему поете только в театре!

— Дома почти не пою. А если приходится, жена крепко закрывает все двери и окна — слышимость-то какая! Она тоже заканчивала консерваторию как певица. Училась у Пантофель-Нечецкой.

— А дети любят слушать папу!

— Дети ходят на спектакли. А самый младший, Леонид Витальевич, второклассник, уже знает чуть ли не весь мой репертуар, поет на итальянском «О, мое солнышко».

— Следует ли вы советам великого Карузо: не употреблять крепких напитков, не курить, чтобы сберечь голос!

— Когда начал заниматься вокалом, сразу дал себе зарок: или пить, или петь. Масса певцов, артистов спивается. Куда ни приезжаешь — приемы. Не каждый это выдерживает.

... А что значит выйти на публику в болезненном состоянии! Скорее всего никогда уже больше не выйти. Голос — дело такое: сегодня есть, а завтра — нет.

Сам не знаю, как «без потерь» прошел армию: служил в танковых войсках на Дальнем Востоке, жил в палатках.

— Если Елена Образцова признавалась, что в день спектакля не прикасается к еде, то Владимир Атлантов шутил примерно так: «Без кусочка мяса не будет Отелло». Ваша привычка!

— Мясо — обязательно: где брать энергию? И вообще побольше витаминов. Не лямбда диета певцу на пользу. Я надеваю костюмы Атлантова. Правда, они мне немного тесноваты. Стал худеть — замечаю, «страдает» мой Герман: не хватает массы для голоса. Пришлось возвращаться в прежнюю форму...

В Большом у заслуженного артиста России Виталия Тарашенко премьера за премьерой. Любящий и мужественный египтянин Радамес в «Аиде», благородный рыцарь Водемон в новой постановке «Иоланты»... В предстоящем году — «Франческа да Римини» Рахманинова. А только что он вернулся из Флоренции, где тоже пел премьеру — Гвидона в «Сказке о царе Салтане» Римского-Корсакова.

Почти у каждого большого артиста есть свой порыв, свой жест, на сцене им самим не замечаемый. У Тарашенко это устремленность ввысь, когда, приподнимаясь физически, он как бы помогает себе не просто взять высокую ноту, но донести высокое в зал. А образы певца, сценически и вокально чуждые внешнего эффекта, при всей индивидуальности его исполнительской манеры сродни искусству наших русских теноров, которых мы теперь называем великими.

Татьяна МАРШКОВА.

